данного упоминанием Порт-Маона ориентирования на соотнесение всего фрагмента с новейшими ходами европейской международной политики, а следующий затем небольшой пассаж о тосканцах продолжал держать в неопределенности, допуская различные толкования, в том числе и как романтического вымысла. Столицей Великого княжества Тосканского была Флоренция, где находился Феридат и куда пришло известие о страшном бедствии во Франции; получается, таким образом, что тосканцы о нем узнают после того, как стали ей помогать с ним справиться, и к тому же в полученных «ведомостях» им еще сообщают об этом их участии в спасении королевского дворца. Возникшая нелепость, которую Эмин то ли не заметил, как это часто случается с компиляторами, то ли оставил в расчете на невнимание читателей или нетвердое знание ими географии, была не единственным нарушением четкой мысли подлинника. Передав словосочетание «frettolosamente corsero», характеризующее быстроту отклика Великого герцога Тосканского, не прямым эквивалентом «поспешили», но перифрастически («будучи к услуге французам горячи»), он тут же добавляет от себя детали, которые, создавая впечатление медлительности и видимости желания тосканцев помогать соседу в беде, допускают понимание всего сказанного о них в ироническом смысле: «воду для погашения толь сильного пламени» носят шляпами из «небыстротекущей» (мотив лености) реки Арно (что справедливо, кстати, только для ее нижнего течения по равнине перед впадением в море). В построенной таким образом фразе можно было при желании прочесть искусный намек через околичности на франко-австрийский союз в Семилетней войне 1756—1763 гг.: в 1737 г., после смерти последнего Медичи, Тоскана перешла к герцогу Францу Стефану Лотарингскому, супругу (с 1736 г.) Марии-Терезии, выбранному в 1745 г. императором Священной Римской империи под именем Франца I, и стала частью Австрии, которая заключила 1 мая 1756 и 1 мая 1757 г. с Францией два Версальских договора для совместных действий против Пруссии. В свете этих событий то, что говорит Феридат о помощи тосканцев французам, могло быть понято как метонимия, подразумевающая Австрию, а привнесенной иронией Эмин мог выразить свое мнение о непрочности и даже в некотором роде противоестественности альянса двух старых непримиримых соперниц за гегемонию в Европе. Однако полной уверенности в том, что изменением этой фразы он действительно придавал ей этот злободневный смысл, быть не может, как нет ее в отношении всего заимствованного у Боккалини фрагмента. В частности, такому пониманию мешает то обстоятельство, что на самом деле не столько Австрия помогала Франции, сколько наоборот — Франция Австрии.

Продолжение фрагмента, посвященное Испании, плохо соотносилось с современным ее положением в Европе, где после раз-